

МОГИЛЬНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ФРОНТОВОЕ 3 В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ (предварительное сообщение)

© 2020 г. И.О. Гавритухин*, А.Н. Свиридов **, С.В. Язиков ***

Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: gavritukhin@rambler.ru

**E-mail: a_sviridov@mail.ru

***E-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.05.2019 г.

В статье публикуются сведения о могильнике у с. Фронтовое (Нахимовский р-н г. Севастополь). Экспедицией ИА РАН 2018 г. здесь исследовано 328 могил последних десятилетий I – начала V в. Памятник раскопан полностью, что делает его эталонным для изучения многих вопросов истории варварского населения региона, его взаимоотношений с Херсонесом и другими центрами Римской империи. Определены хронологические зоны некрополя (2 периода, в каждом по 2-3 разновременных участка), датировка которых подтверждена более чем 40 монетами. Господствуют ингумации в ямах с одним (реже двумя) подбоем и каменным закладом. В аналогичных сооружениях зафиксировано 14 кремаций. В периоде 2 появляются 3 погребения в ямах, 12 склепов с длинной входной ямой. Кратко описаны бусы; керамические и стеклянные сосуды; предметы вооружения, в том числе мечи, щиты; наборы конского снаряжения; разнообразные украшения и мелкие бытовые предметы. Ряд изделий выполнен в полихромных стилях. Особенно выразительны изменения, связанные с эпохой так называемых Скифских войн середины III в. и их последствиями, однако преемственность в планиграфии, господствующих погребальных обрядах, ряде категорий инвентаря позволяет считать, что некрополь Фронтовое 3 принадлежал одному населению (общине). Очевидны широкий спектр связей этих людей, открытость влияниям; не исключена и инкорпорация в эту общину носителей других традиций.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, I–V вв., могильник, периодизация.

DOI: 10.31857/S086960630009075-1

Могильник Фронтовое 3 открыт в 2018 г. сотрудниками отдела сохранения археологического наследия ИА РАН в ходе проведения охранно-спасательных работ на памятниках археологии, попадающих в зону строительства автомобильной трассы Таврида. Он расположен в Нахимовском р-не г. Севастополь, в 1 км к западо-юго-западу от с. Фронтовое. Раскопки велись отрядом Крымской новостроекной экспедиции ИА РАН (начальник С.Ю. Внуков) под руководством С.В. Язикова и А.Н. Свиридова.

Исследована площадь 13 948 м². Культурный слой подвергался распашке, насыщен слабо, среди находок отметим монеты: Сахиб Гирей (1-й) бен Менгли Гирей (1532–1550) или Ислам Гирей (II) бен Дэвлет Гирей (1584–1588); Селим (I) бен Бехадыр (1671–1704); Селим (II)

бен Каплан (1743–1748)¹. На юго-востоке раскопа исследовано пять ям с материалами эпохи бронзы и без выразительных находок.

На основной части вскрытой площади открыто 4 погребальных сооружения эпохи бронзы и 328 – римского времени. Эти могильники раскопаны практически полностью (рис. 1, а, б); современными мародерами не затронуты. Данная статья посвящена краткой характеристике основной части памятника – некрополя римской эпохи (находки представлены на рис. 2–8).

Могильник – грунтовый; погребальные сооружения вне зависимости от их типов, как правило, расположены рядами. Случай перекрытия одной могилы другой единичны (см. ниже). В верхней части заполнения входных

¹ Определения И.В. Волкова; античных монет – М.Г. Абрамзона.

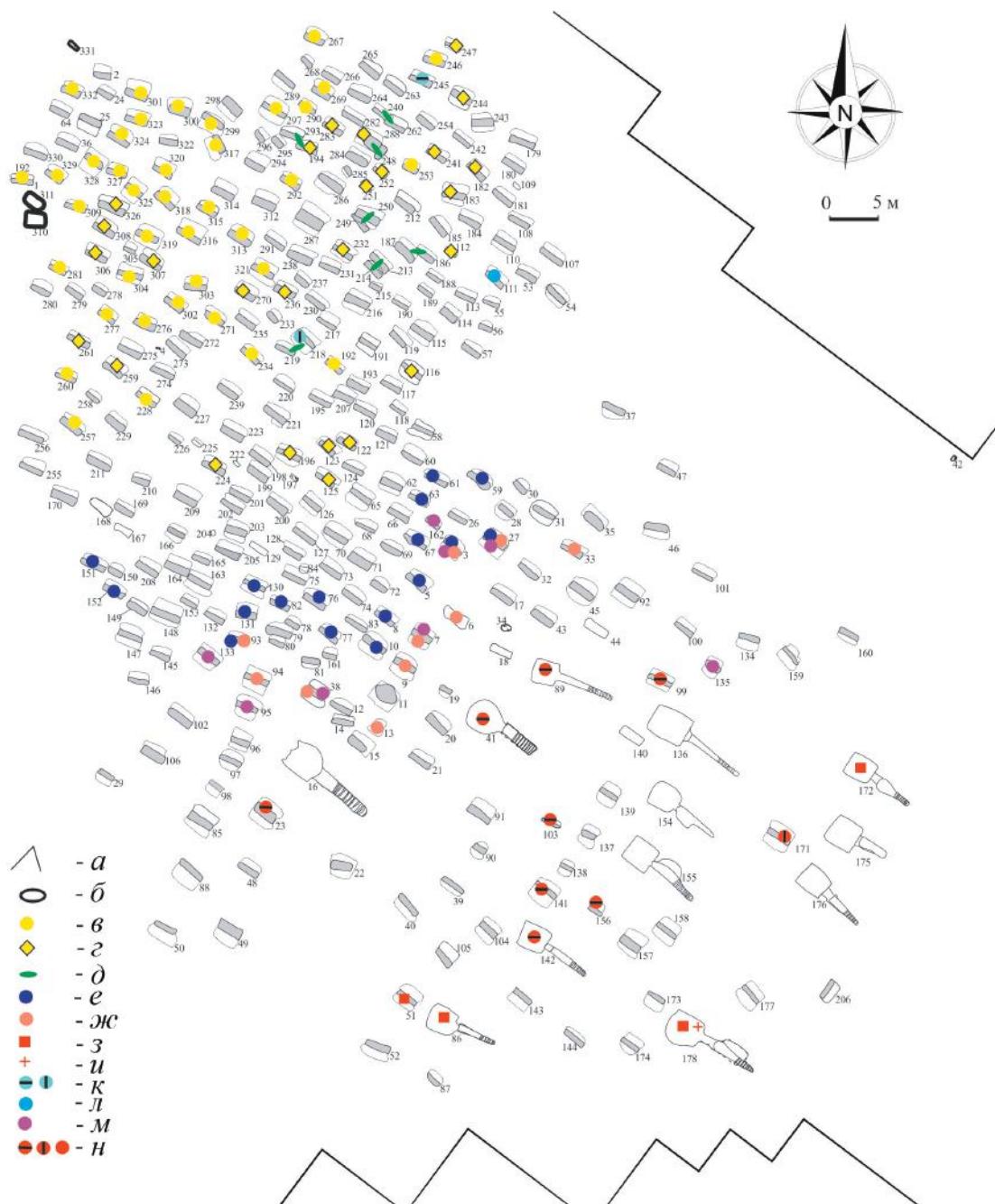


Рис. 1. Фронтовое 3. План могильника. Условные обозначения: а – граница раскопа; б – погребения эпохи бронзы; в – керамика последних десятилетий I–первой половины II в.; г – керамика II в.; д – могилы, перекрывающие одна другую; ж – юго-восточная периферия ареала одночленных лучковых фибул; и – северо-западная периферия ареала двучленных лучковых фибул; з – индикаторы гуннского времени (не ранее 370-х годов); и – пряжки V в.; к–н – позднейшие монеты в комплексе: к – первая половина I в. и 150–175 гг.; л – конец II – начало III в.; м – середина III в.; н – IV в., из них горизонтальной полосой выделены 306–337 гг. (вероятно, с 309/310 по 320-е годы), вертикальной – 351–355 гг.

Fig. 1. Frontovoye 3. A plan of the cemetery

ям более 20 погребальных сооружений, расположенных на большей части площади некрополя, обнаружены крупные одиночные камни. Скорее всего, они были видимы на древней дневной поверхности и, возможно, могли выполнять

функцию надмогильных знаков. Вероятно, были и другие (не фиксируемые археологически) внешние маркеры могил. Все свидетельствует о том, что люди, хоронившие на этом кладбище, знали его структуру.

По распространению ряда узкодатируемых находок, скоплениям могил, особенностям погребальных обрядов на могильнике выделяется несколько зон. Хронологические индикаторы (см. обзоры по категориям ниже) последних десятилетий I – первой половины II в. концентрируются на северо-западе некрополя, образуя его хронологическое “ядро” (рис. 1, *в*). Далее (до первой половины или середины III в.) он рос на восток и юг, где образовалось два “лепестка” плотно расположенных погребений. Наиболее отчетливо финал этого (1-го) периода развития могильника фиксирует смена одночленных лучковых фибул двучленными (рис. 1, *е–ж*).

С середины или второй половины III в. (период 2) могильник расширялся от южного “лепестка” зоны периода 1 на восток и юг, причем плотность расположения могил стала заметно более разреженной. Есть в ранней зоне периода 2 и комплексы IV в. На крайнем юго-восточном (тоже разреженном) участке нет хроноиндикаторов ранее второй четверти IV в., а на его южной и восточной периферии (рис. 1, *з*) найдены стеклянный сосуд, пряжки, ременные накладки и наконечники (рис. 4, *1; 5, 3–6*), которые распространяются не ранее последней четверти IV в.

К позднейшим хроноиндикаторам относятся пряжки из погр. 178 (рис. 1, *и*; 5, *1, 2*), указывающие на существование могильника в V в. Остальные находки из этого склепа не противоречат такой дате, хотя имеют аналогии и в более ранних комплексах. Судя по всему, некрополь прекратил функционировать в начале или первых десятилетиях V в. Расположенное на юго-восточном краю могильника одноподбойное погр. 206, выделяющееся ориентированной, к сожалению, безынвентарное.

В западной части восточного “лепестка” периода 1 некрополя зафиксировано семь случаев перекрытия одной могилы другой (рис. 1, *д*). Их инвентарь обычен для могил периода 1 и зачастую невыразителен для узкой датировки. Вероятно, расширение некрополя периода 1 на восток за границу, зафиксированную линией от погр. 179 к погр. 54, по неким причинам было невозможно, и новые захоронения стали делать на освоенных ранее участках. Отметим, что в случае перекрытия более поздней могила, как правило, задевала только край более ранней. Похоже, что хоронившие старались попасть в межмогильное пространство. Вероятно, в ряде случаев у них это получалось,

что надо учитывать при опоре на планиграфическую датировку комплексов этой части памятника.

Южный “лепесток” периода 1 могильника в отличие от восточного развивался, похоже, без таких ограничений. И именно от его наиболее дальней от “ядра” юго-восточной периферии начинается развитие ранних зон периода 2 некрополя.

Из комплексов периода 1, там, где на зону ранних могил накладывается более поздняя, происходят херсонесские монеты (рис. 1, *к*): первой половины I в. н.э., с отверстием для ношения (погр. 245), и 150–175 гг. (погр. 218). В поздней зоне периода 1 найдена римская монета плохой сохранности конца II – начала III в. (погр. 111) (рис. 1, *л*).

В ранней зоне периода 2, близ границы с периодом 1, и на стыке зон этих периодов выделяется группа погребений (рис. 1, *м*), в которых содержится от 1 до 7 монет – за единичным исключением², несколько денариев и (подавляющее большинство) антонинианы III в.: Септимия Севера (193–211), Плавтиллы (202–211/212), Гордиана III (238–244), Филиппа I Араба (244–249), Требониана Галла (251–253), Галлиена (253–268). Позднейшие монеты в этой группе: 240 г. (погр. 162; из 2 экз.), 244–247 гг. (погр. 3; из 7 экз.), 246–248 гг. (погр. 133; 1 экз.), 251–253 гг. (погр. 95; 1 экз.), 253–268 гг. (погр. 27; из 2 экз.), 258–259 гг. (погр. 7; из 4 экз.), середины III в. (погр. 38; из 2 экз.). Подавляющее большинство рассматриваемых монет чеканено в Риме и Медиолане, лишь в погр. 7 позднейшие для этого ряда монеты представлены выпусками из азиатских провинций Римской империи. Несомненна связь этого набора с эпохой так называемых Скифских войн. Изменения, отражающие их последствия на юге Восточной Европы, фиксируются и рядом инноваций в культуре периода 2 могильника Фронтовое. Однако очевидна и преемственность традиций местного населения по ряду категорий инвентаря, основным погребальным обрядам, в структуре некрополя.

В более поздних комплексах периода 2 единично представлены монеты более раннего времени, в том числе антониниан 247–249 гг.

² Вторая монета в погр. 162 – очень редкая драхма Ариобарзана I (95–63 гг. до н.э.; Каппадокия).



Рис. 2. Бусины и ожерелья. 1–4 – погр. 33; 5 – погр. 89; 6, 7 – погр. 327; 8 – погр. 31; 9, 10 – погр. 13; 11–13 – погр. 174; 14, 15 – погр. 63; 17–20, 23–27, 34–43, 78 – погр. 300; 21 – погр. 287; 22 – погр. 236; 28–31 – погр. 95; 32, 33 – погр. 236; 44 – погр. 22; 45 – погр. 327; 46 – погр. 19; 47 – погр. 123; 48–50 – погр. 128; 51, 55, 56 – погр. 8; 52 – погр. 59; 53 – погр. 96; 54 – погр. 236; 57–60, 67–71, 76 – погр. 205; 61, 62 – погр. 318; 63 – погр. 238; 64 – погр. 123; 65, 66 – погр. 202; 72–74 – погр. 327; 75 – погр. 325; 77 – погр. 236; 79 – погр. 75.

Fig. 2. Beads and necklaces

(Рим; погр. 135; 1 экз.)³, а господствуют фоллисы эпохи Константина Великого, все они, где определим монетный двор, чеканены в восточных провинциях. Позднейшие из этих монет (рис. 1, *н1*): 309–310 гг. (погр. 103; из 3 экз.), 312–313 гг. (погр. 142; 1 экз.), 313 г. (погр. 41; 1 экз.), 313–314 гг. (погр. 89; 3 экз. + погр. 99; 1 экз.), 324–325 гг. (погр. 23; 1 экз.), 320-х годов (погр. 141; 1 экз.), вероятно, 306–337 гг. (погр. 156; 1 экз.).

Позднейшие для памятника из узкодатируемых нумизматических находок – редкие для Крыма две медные монеты 351–355 гг. из погр. 171 на востоке поздней зоны периода 2 (рис. 1, *н2*). В наиболее позднем по инвентарю погр. 178 (см. выше) найдена медная монета плохой сохранности, вероятно, римская IV в. (рис. 1, *н3*).

Состав монет периода 2 Фронтового наиболее близок выборке из могильника Озерное III, а наличие монет середины IV в. сближает Фронтовое с могильником на землях совхоза “Севастопольский” (Храпунов, 2010, 2013; там иная литература о монетах из могильников Юго-Западного и Центрального Крыма). Полученная по монетам картина совпадает с датировками по другим находкам и дает надежные реперы календарной хронологии зон памятника.

В погр. 178 (с позднейшими для могильника вещами), как и во все склепы крайней юго-восточной линии, и в расположенный рядом склеп 142 были совершены проникновения в древности. При этом непотревоженными или в засыпи остались дорогие вещи, например в засыпи погр. 178 – массивная серебряная пряжка (рис. 5, *1*). Проникновение с разной степенью “выемки” содержимого (в некоторых случаях остались только единичные кости или мелкие вещи) зафиксировано и в 12 одно- или двуподбойных могилах во всех зонах периода 2 и поздних периода 1. Лишь в погр. 328 (ранняя зона периода 1) наблюдалось подзахоронение индивида со смещением более ранних костей и инвентаря к стенке камеры. Вопросы “когда”, “кем”, “зачем” произошли проникновения в могилы без дозахоронений, пока оставим открытыми.

³ Наличие этой монеты в зоне распространения монет ранней части правления Константина I снимает справедливые до недавнего времени недоумения Н.И. Храпунова (2010. С. 77) в отношении сочетания таких монет в Озерном (см. ниже).

Среди погребальных конструкций (более подробную характеристику погребальных обрядов см. Свиридов, Язиков, 2019) господствуют ямы с подбоями (одним, реже двумя). Они присутствуют во всех зонах могильника. Камеры в большинстве случаев перекрыты каменным закладом, в ранних зонах зафиксированы могилы без него. Преобладает ингумация на спине, головой в юго-восточный сектор. Остатки деревянных конструкций отмечены в 90 погребениях во всех зонах могильника, в том числе в 4 случаях прослежены остатки гробов, в 7 – колод.

В 14 подбойных могилах содержались кремационные погребения. Зафиксировано следующее расположение сожженных костей: рассыпанными по дну могилы полосой (на подобие ингумации), с расположением инвентаря, аналогичным могилам с ингумацией; кучкой, в том числе в комбинации с трупоположением; на камнях заклада кучкой. Все эти могилы расположены в поздних зонах периода 1 или на стыке с ранней зоной периода 2.

В зонах 2-го периода между ям с подбоями открыто 3 могилы с заплечиками и 12 склепов. Во всех склепах подчетырехугольная в плане погребальная камера (до 2.7 × 3 м) является продолжением длиной оси входной ямы (длиной до 5.2 м, с 5–8 ступеньками). В склепах зафиксировано от одного до пяти костяков, расположенных только параллельно либо только перпендикулярно оси входной ямы.

Погр. 18 (период 2) – безынвентарное захоронение коня с подогнутыми ногами, помещенное в прямоугольную яму размерами 2.1 × × 0.7 м; погр. 197 и 222 (период 1) – небольшие ямы с захоронением собаки (предварительные определения).

Из погребений происходит около 20 тыс. находок, в том числе около 15 тыс. экз. бусин и бисера. Зачастую бусины составляли низки ожерелий, в том числе в несколько ярусов, которые дополнялись металлическими и др. подвесками (рис. 2, 76–78; см. также ниже). Наибольшее количество и разнообразие бус представлено в погребениях периода 1.

Преобладают стеклянные бусины, в том числе шаровидные (рис. 2, 2–4, 67), бочковидные, цилиндрические (рис. 2, 50), биконические (рис. 2, 10, 24, 27), ребристые шаровидной формы (рис. 2, 8, 12), уплощенные дисковидные (рис. 2, 28, 29), 14-гранные (рис. 2, 13). Много бисера – шаровидного и



Рис. 3. Керамические сосуды. *A*: 1 – погр. 329; 2 – погр. 212; 3 – погр. 205; 4 – погр. 313; 5 – погр. 243; 6 – погр. 284; 7 – погр. 287; 8 – погр. 5; 9 – погр. 329; 10 – погр. 192; 11 – погр. 238; 12 – погр. 300; 13 – погр. 318; 14 – погр. 293; 15 – погр. 328; 16 – погр. 162; 17 – погр. 292; 18 – погр. 304; 19 – погр. 180; 20 – погр. 313; 21 – погр. 255; 22 – погр. 118; 23 – погр. 239; 24 – погр. 220; 25 – погр. 292; 26 – погр. 299; 27 – погр. 323; 28 – погр. 125; 29 – погр. 276; 30 – погр. 304; 31 – погр. 292; 32 – погр. 320.

Fig. 3. Ceramic vessels



Рис. 3. Окончание. *Б*: 1 – погр. 317; 2 – погр. 170; 3 – погр. 89; 4 – погр. 51; 5 – погр. 52; 6 – погр. 51; 7 – погр. 52; 8 – погр. 51; 9 – погр. 137; 10 – погр. 154; 11 – погр. 136; 12 – погр. 41; 13 – погр. 52; 14 – погр. 96; 15 – погр. 104; 16 – погр. 178; 17 – погр. 104; 18 – погр. 136.

Fig. 3. The end

цилиндрического рубленого (рис. 2, 11, 31, 66). Имеются бусины с накладным декором в виде пяты (рис. 2, 53), пересекающихся линий (рис. 2, 51, 52, 54), фестонов (рис. 2, 55, 56) и др. элементов. Немало мозаичных бусин разных форм (рис. 2, 14, 48, 49, 79).

Второй по массовости материал для изготовления бусин – янтарь. В основном они попреречно сжатые как до формы диска (рис. 2, 30, 35, 38, 39), так и бочковидные (рис. 2, 9, 34); но не редки уплощенные овальные (рис. 2, 32, 33, 37, 40, 41), треугольные и др. форм. В погребениях периода 2 есть янтарные бусы-подвески грибовидной (8-видной, по др. терминологии) формы (рис. 2, 44).

Бусины из гагата преимущественно шаровидные, в том числе попреречно сжатые (рис. 2, 21, 57); имеются удлиненные цилиндрические, призматические, 14-гранные с циркульным декором (рис. 2, 6), в виде топориков и астрагалов, бипирамидальные (рис. 2, 58, 59) и др.; много цилиндрического бисера.

Среди бусин из сердолика преобладают небольших размеров шаровидные, есть попреречно сжатые и вытянутые (рис. 2, 19, 20, 23, 26), чуть реже встречены усеченно-биконические и полиздрические уплощенные со срезанными углами (рис. 2, 5).

Горный хрусталь распространен в погребениях периода 1, в основном в виде крупных овальных уплощенных бусин с двусторонним сверлением (рис. 2, 70, 71), есть округлые бусины и немного ребристых шаровидной формы (рис. 2, 7).

Гораздо меньше бусин из халцедона, в основном округлых голубого, дымчатого, желтоватого цветов (рис. 2, 15–18). Агат представлен несколькими мелкими призматическими и эллипсоидными бусинами в основном из погребений ранней зоны участка, а также крупной бусиной из погр. 325 (рис. 2, 75).

Керамических сосудов найдено 587; большинство (402) – краснолаковые. К наиболее ранним (около последней четверти/конца I – первой половины II в.) относятся (при отсутствии указаний на исследователя, атрибуция по: Журавлев, 2010) тарелки pontийской сигиллаты А форм 1, 2, 3 (рис. 3А, 32, 26, 30), в том числе с клеймами *planta pedis* и др., миски форм 10 и 14.3 (рис. 3А, 25, 18), кувшины форм 2.1 (рис. 3А, 1), 8 (рис. 3А, 15), 19 (рис. 3А, 7), 21 (рис. 3А, 10), столовые амфоры форм

1.1 (рис. 3А, 12) и 1.3 (рис. 3А, 13), кружки формы 4 (рис. 3А, 23). В это же время и позднее бытуют кувшины форм 4 (рис. 3А, 6), 11 (рис. 3А, 3), 18 (рис. 3А, 4), столевые амфоры формы 2 (рис. 3А, 17), чаши формы 30.3 (рис. 3А, 20). К индикаторам второй половины II в. принадлежат кувшины форм 3 (рис. 3А, 16) и 16 (рис. 3А, 8). К периоду 1 в целом относятся тарелки формы 4 (рис. 3А, 29) и кружки формы 1 (рис. 3А, 22, 24). Отметим находки овальных рыбных блюд в погребениях периода 1 (рис. 3А, 28). В поздней части периода 1 появляются кувшины форм 20.1 (рис. 3А, 11), 37 (рис. 3А, 2), 39 (рис. 3А, 5), кружки формы 8 (рис. 3А, 21); некоторые из них встречаются и в ранней части периода 2.

Для краснолаковой керамики периода 2 показательны кувшины типов IV.2 (рис. 3Б, 6) и IV.4 (рис. 3Б, 4) по В.А. Нессель (2003), миски типов 4, 6, 7 (рис. 3Б, 13, 15, 17) по классификации для находок из могильника на землях совхоза “Севастопольский” (Ушаков и др., 2017; соответствует типам 4, 3, 6 по: Стржелецкий и др., 2004). Только в поздней зоне известны блюда форм 1 и 2 (рис. 3Б, 11, 12) группы “понтийская краснолаковая” по К. Домжальскому (Arsen’eva, Domzalski, 2002).

Сформованная на круге “красноглиняная” и “сероглиняная” посуда без лакового покрытия встречается редко (11 экз.). Лепная посуда (101 экз.; рис. 3А, 19; Б, 5, 7, 8, 9, 10, 14, 16) появляется в комплексах поздней части периода 1, а в период 2 возрастают ее количество и разнообразие (горшки, кружки, кувшины, миски).

Уникален краснолаковый сосуд в виде быка (рис. 3Б, 1). Светильники немногочисленны: один из погребения периода 1 типа Loeschcke VIII конца I–III в. (рис. 3А, 27); три периода 2 группы “Биконические светильники” (рис. 3Б, 18) конца III–IV в. (Chrzanovski, Zhuravlev, 1998. Р. 14, 79). Светлоглиняные позднегераклейские амфоры (по: Внуков, 2016) варианта С IVD (рис. 3Б, 2) представлены в комплексах поздней части периода 1 и ранней периода 2; варианта С IVF (рис. 3Б, 3) – в комплексах периода 2.

Коллекция стеклянных сосудов насчитывает около 230 экз. разной сохранности – от не имеющих утрат до кучки мелких фрагментов. Есть погребения, где найдено до трех сосудов, а, например, в одном склепе (погр. 136) их было пять. Почти все сосуды одноцветные, подавляющее



Рис. 4. Стеклянные сосуды. 1, 2 – погр. 51; 3 – погр. 99; 4 – погр. 105; 5 – погр. 89; 6 – погр. 92; 7–8 – погр. 7; 9 – погр. 85; 10 – погр. 85; 11 – погр. 46; 12–13 – погр. 3; 14 – погр. 62; 15 – погр. 266; 16 – погр. 76; 17 – погр. 5; 18 – погр. 61; 19 – погр. 202; 20 – погр. 83; 21 – погр. 70; 22 – погр. 166; 23 – погр. 286; 24 – погр. 244; 25 – погр. 298; 26 – погр. 232; 27 – погр. 263; 28 – погр. 304; 29 – погр. 319.

Fig. 4. Glass vessels

большинство выполнено из естественно окрашенного стекла. На нижней поверхности дна большинства сосудов имеется след от понти или стеклодувной трубки. Самую большую группу составляют бальзамарии (не менее 55 экз.; рис. 4, 13, 14, 18, 22–25), в основном группы 2 типа I (по: Кунина, Сорокина, 1972), характерные для комплексов периода 1; лишь единичные формы зафиксированы в немного более позднем контексте.

К редким находкам из наиболее ранней зоны могильника принадлежат стакан с цилиндрическим тулом, украшенным рельефным орнаментом в виде “венков” и пальмовых ветвей, с греческой надписью “Одержи победу” (рис. 4, 29); миниатюрная зеленовато-синяя ойнохоя со спиралевидно напаянной нитью непрозрачного белого стекла (рис. 4, 28). К сравнительно ранним относятся так называемые баночки для притираний (рис. 4, 26) формы Айсингс-68 (здесь и далее по: Isings, 1957), в том числе “кобальтового” стекла. В не ранних зонах периода 1 найдены сосуд в виде небольшой разноцветной амфоры (рис. 4, 27) вместе с сосудом формы Айсингс-70; кубок почти бесцветного стекла с округлым венчиком и сплошной подножкой сложной формы (рис. 4, 21); кубок с оплавленным краем, на поддоне, со сложным орнаментом из напаянных белых и бирюзовых нитей (погр. 65); два питьевых рога (рис. 4, 15) и др. формы (например, рис. 4, 16, 17, 19, 20).

В наборах периода 2 представлены слегка закрытые стаканы/чаши с округлым тулом и отогнутым наружу венчиком с оплавленным краем (рис. 4, 12), схожие с ними сосуды с обрезанным и зашлифованным краем формы Айсингс-96 (рис. 4, 7) и др. (рис. 4, 3), стаканы формы Айсингс-108 (рис. 4, 2), колбовидные сосуды и бутыли (рис. 4, 6, 8, 11), кувшины (рис. 4, 4, 5) и др. формы. К самым поздним относится конический кубок, украшенный каплями синего стекла (рис. 4, 1), датируемый последней четвертью IV – первой половиной V в. (Gavritukhin, 2017. Р. 101–103).

В ранних частях могильника найдено 15 длинных мечей⁴ без перекрестий; в погр. 301 меч был уложен в ножны с обкладками из желтого металла. Центральные и концевые накладки от сложносоставного лука происходят из

погр. 280. Для центральной части некрополя оружие не характерно. В поздних зонах оно представлено длинными двулезвийными мечами без перекрестий, топором, наконечником копья, “кинжалами” с вырезами у рукояти. Последних – не менее 10, они располагались в районе плеча/головы, рукоятью к ногам; в 3 случаях в ногах были крупные бронзовые обоймы-бусины с остатками дерева, что свидетельствует в пользу реконструкции такого оружия как древкового. К стенкам склепов 41 и 136 (IV в.) были прислонены щиты, от которых остались рукояти и конические умбоны.

В 14 случаях рядом с погребенными обнаружены железные кольчатые двусоставные удила, иногда с бронзовыми зажимами ремней. Со сбруей связаны некоторые пряжки (см. ниже). Отметим узду из комплекса периода 1, включающую псалии, парные разделители, подвески (рис. 7, 8–10). Ближайший аналог этим псалиям – пара из Херсонеса (Косюшко-Валюжинич, 1901. С. 119. Рис. 19)⁵, подвескам – в Котлубани у схождения Дона с Волгой (Скрипкин, 1989. Рис. 1, 6, 7). Как и оружие, конское снаряжение не характерно для центральной части памятника.

Ножи или их фрагменты есть почти во всех погребениях. Как правило, они располагались рядом с костью животного и керамическими сосудами у головы погребенного. В некоторых случаях зафиксированы остатки ножен, в том числе с петлей для их подвешивания.

Зеркала представлены не менее чем 24 экз. – дисковидными диаметром до 8 см или меньшими по размерам, имеющими боковой выступ с отверстием и изображение на обратной стороне (рис. 7, 2) – типы VI и IX (по: Хазанов, 1963). Первые – главным образом из ранних комплексов периода 1; некоторое время они существуют со вторыми, которые господствуют в поздних зонах периода 1, но зафиксированы и в ранней зоне периода 2.

Из ранней зоны происходит пять костяных пиксид, в том числе с розовой пудрой (рис. 7, 11). В погребениях периода 1 известно 45 бронзовых игл. Для периода 1 и начала периода 2 характерны шкатулки, представленные бронзовыми деталями, в том числе замками, ключи и изделия, которые могли выполнять их

⁴ Оружие, как и большинство изделий из железа, очень плохой сохранности; более детальная характеристика этой группы находок будет возможна после завершения реставрации.

⁵ Схожие есть в погр. 149 Бельбека IV; они интерпретированы как псалии, использованные в качестве амулетов (Гущина, Журавлев, 2016. Ч. 1. С. 109, 150; Ч. 2. Табл. 92, 1).

функцию (рис. 6, 19, 24). В семи комплексах этих же зон имеются подвешенные к кольцам приборы (так называемые игольницы), состоящие из свернутой трубочки, заходящей в на половину открытый аналогично сделанный футляр; на загнутые концы этих деталей надеты колечки (рис. 7, 7). Пинцеты и металлические “бусины” (рис. 7, 5) есть как в ранней, так и в поздней части некрополя. Металлические сферические флаконы с цилиндрическим горлом (рис. 7, 1) представлены в ранней зоне периода 2 (погр. 6 и 106). В комплексах периода 2 найдено шесть односторонних трехслойных костяных/роговых гребней плохой сохранности, в том числе (по: Никитина, 1969): варианта 2а типа I; варианта 2 типа II или 3 типа I; варианта 2а типа III (рис. 7, 4).

Фибул разной сохранности известно не менее 450. Большинство — смычковые с верхней или нижней тетивой⁶. Наиболее ранние из более узко датируемых — одночленные лучковые 2-го варианта, небольшие с кнопкой или завитком на конце сплошного приемника (рис. 5, 25), шарнирная дуговидная. На стыке ранней зоны и примыкающего к ней восточного “лепестка” периода 1 могильника найдены лучковые застежки 3-го варианта и римская (рис. 5, 26) типа 23а (по: Feugere, 1985). В комплексах периода 1 представлено не менее шести римских фибул с эмалью (рис. 5, 27), в основном броши геометрических форм и зооморфные, в том числе редких вариантов. Для поздних зон периода 1 показательны одночленные лучковые фибулы вариантов 4 и 5, а господствуют инкерманские (рис. 5, 28, 29), которые очень разнообразны (их коллекция из Фронтового — наиболее представительная среди известных нам).

В ранней зоне периода 2 могильника преобладают двучленные лучковые фибулы; на стыке зон периодов 1 и 2 есть случаи, когда они сочетаются с инкерманскими в одном комплексе (рис. 1, г, д). К редким формам двучленных лучковых относятся фибулы с обмоткой корпуса, как у одночленных лучковых (рис. 5, 21); с креплением оси пружины вертикальной стойкой, как у прогнутых “черняховских” застежек (погр. 33; аналогично рис. 5, 7); с широким корпусом, украшенным врезными линиями и сердоликовыми вставками (рис. 5, 22). Из этой зоны происходит и миниатюрная двучленная сильнопрофилированная фибула

⁶ Там, где определение фибул дано без ссылки, имеется в виду терминология и типология А.К. Амброва (1966).

(рис. 5, 13), двучленные прогнутые подвязные застежки с узкой ножкой и вертикальной стойкой для крепления оси пружины, относящиеся к вариантам 2 и 3 (рис. 5, 7). Только последние варианта 3 и близкие им, но с широким кольцом для крепления оси пружины, представлены в поздней зоне.

Деталей ременных гарнитур⁷ разной сохранности найдено около 200 (в том числе около 50 железных пряжек). В зонах периода 1 преобладают пряжки и накладки позднеантичного круга, в том числе пряжка, близкая типу 25 группы А (рис. 5, 24), единично представленные и в ранней зоне периода 2 (рис. 5, 15); есть и вытянутые шарнирные пряжки группы D (рис. 5, 23), восточноевропейские пряжки типа П1, наконечники, близкие типу Н3а, и др. Пряжки типа П7 и близкие ему по оформлению язычка (рис. 5, 18, 20) найдены в зонах поздней части периода 1 и ранней периода 2, в погр. 20 — с пряжкой (рис. 5, 16), близкой типу 29 группы D.

В период 2 господствуют пряжки типов П9 и П10 разных вариаций (рис. 5, 8, 10, 12, 14, 19), встречены наконечники Н7 (рис. 5, 17), пряжки позднеримского круга (рис. 5, 11) и др. На крайнем юге и юго-востоке могильника (рис. 1, з) найдены пряжки, язычок которых огибает рамку на всю ее высоту, С-видные накладки, мечевидные наконечники (рис. 5, 3–6), распространяющиеся с последних десятилетий IV в. (Безуглов, Ильяшенко, 2000. С. 96, 97; Малашев и др., 2015. С. 100; Gavritukhin, 2018. Р. 49, 50). Наиболее типологически поздние пряжки происходят из погр. 178. Часть из них (рис. 5, 2) относится к очень широко распространенному типу так называемых хоботковидных, появляющемуся, по мнению всех специалистов, около рубежа IV–V вв. Еще одна (рис. 5, 1) датируется не ранее того и принадлежит весьма редкому типу, хотя и известному от Британии до Казахстана (Казанский, 2019; Бисембаев и др., 2018. Рис. 5).

Коллекция из Фронтового включает около 150 браслетов⁸. Большинство из них имеет

⁷ Типы деталей ременной гарнитуры, обозначаемые сочетанием буквы кириллицы с цифрой, даны по: Малашев, 2000; а с указанием на тип и группу — по: Madyda-Legutko, 1986.

⁸ В ряде случаев кольца — браслеты, перстни и, возможно, другого назначения — представлены обломками. Дальнейшие исследования предполагают уточнение их атрибуции.



Рис. 5. Металлические детали ременных гарнитур и фибулы. 1, 2 – погр. 178; 3–6 – погр. 172; 7–10 – погр. 41; 11 – погр. 16; 12 – погр. 136; 13 – погр. 13; 14, 15 – погр. 45; 16 – погр. 20; 17, 18 – погр. 3; 19 – погр. 6; 20 – погр. 145; 21 – погр. 6; 22 – погр. 106; 23 – погр. 326; 24 – погр. 316; 25 – погр. 234; 26 – погр. 287; 27 – погр. 236; 28 – погр. 27; 29 – погр. 184.

Fig. 5. Metal parts of belt sets and brooches



Рис. 6. Серьги, подвески, перстни, браслеты, ключи. 1 – погр. 16; 2 – погр. 13; 3 – погр. 27; 4 – погр. 33; 5 – погр. 257; 6–9 – погр. 33; 10 – погр. 273; 11 – погр. 240; 12 – погр. 8; 13 – погр. 257; 14 – погр. 45; 15 – погр. 230; 16 – погр. 3; 17, 26 – погр. 319; 18 – погр. 279; 19, 23, 25 – погр. 184; 20 – погр. 60; 21 – погр. 145; 22 – погр. 230; 24 – погр. 132; 27 – погр. 78; 28 – погр. 163; 29 – погр. 301.

Fig. 6. Earrings, pendants, tinger rings, bracelets, keys

несомкнутые утолщенные концы (рис. 6, 28). В зонах периода 1 не редки браслеты с окончаниями, расширенными в виде стилизованных змеиных голов (рис. 6, 26); много — нескольких вариантов с завязанными концами (рис. 6, 29), в том числе со сложным узлом, с напускными бусинами; единичны — с каплевидным или фигурным утолщением на концах (рис. 6, 27), с обмоткой корпуса и др. В период 2 распространяются пластинчатые полихромные шарнирные браслеты со щитком, украшенным окантованной вставкой, как правило, из сердолика, в одном случае — геммой (рис. 6, 21). В погр. 205 (поздняя зона периода 1) такой щиток крепился не шарниром, а крючками. В погр. 21 (период 2) замок браслета образован крючком и петлей, а примыкающая к ним часть корпуса имеет обмотку.

Найдено около 200 перстней, большинство пластинчатые с расширяющимися концами, на которых крепилось гнездо со вставкой. Вставки, близкие полусфере, часто стеклянные (рис. 6, 23), более характерны для периода 1, уплощенные, часто сердоликовые (рис. 6, 14, 16), — для периода 2. В нескольких случаях — вставки-геммы (рис. 6, 20, 25). Есть литые перстни, в том числе с врезным декором и сложных форм (рис. 6, 8). Среди перстней периода 2 представлены отлитые вместе с гнездом под вставку, сравнительно массивный с овальной вставкой (погр. 16), с прямоугольной коробочкой под вставку (погр. 8) и др. Наиболее разнообразны перстни периода 1: с парными дужками и вставками; с круглой полихромной вставкой; с несомкнутыми концами в виде парных волют; с окончанием в виде извивающейся змеи; с пластинчатым щитком, в том числе гравированным; калачевидный и др. Кроме металлических отметим стеклянный полихромный перстень (рис. 6, 22).

Серег — около 150 экз. Преобладают варианты, имеющие замок из петли и крючка — простые или с замком, украшенным проволочной спиралью (рис. 6, 3; 8, 3). Для поздних зон показательны сравнительно крупные серьги (рис. 6, 1), выполненные в полихромной стилистике, перекликающейся с упомянутыми шарнирными браслетами (обзор изделий в этом стиле см. Храпунов, Стоянова, 2018). В погр. 136 (поздняя зона периода 2) такая серьга со стеклянной вставкой дополнена золотой подвеской в виде стилизованной амфоры с гроздевидным туловом (рис. 8, 1). В ранней зоне периода 2 и поздних периода

1 представлены серьги аналогичной схемы, но с небольшими щитком и, как правило, со вставкой или следами от нее (рис. 6, 2), которые можно рассматривать как прототипы отмеченных выше полихромных⁹. Это, как и упомянутый браслет со щитком из погр. 205, позволяет ставить вопрос об участии населения Юго-Западного Крыма в формировании традиции убора, включающего серьги и браслеты со щитками, оформленными вставкой с прессованной позолоченной обкладкой. В комплексах из Фронтового его дополняли украшенные вставками перстни и фибула из погр. 106 (рис. 5, 22; 6, 14, 16).

Из ранней зоны происходят парные золотые серьги: с узкой прямоугольной нижней частью и тремя стержневидными привесками со слегка загнутыми гвоздевидными концами (рис. 8, 4), к сожалению, не понятно, что крепившими; с витой дужкой, завершающейся у одной пары простыми замками (рис. 8, 2), у другой (рис. 8, 5, 6) — утолщениями в виде головы льва¹⁰ и с дисковидными дополнениями замков, украшенными выпуклыми вставками, одна из которых имеет врезное изображение шагающей фигуры, облеченной в длинную одежду, с копьем и щитом (рис. 8, 6а).

Для уборов периода 1 и начала периода 2 недреки бронзовые и серебряные подвески, зачастую входившие в ожерелья: лунницы (рис. 6, 6, 7); полусферические и пирамидальные колокольчики (рис. 6, 5); сферические, как бы собранные из колец (“ажурные”), и кольцевые, в том числе с шишечками (рис. 6, 17, 18; 7, 6) и “спицами” (рис. 6, 13); антропоморфные типов 18 и 19 (здесь и далее по: Алексеева, 1982); птицевидные типа 21; в виде шишечек типа 22 (рис. 6, 10, 11), амфорок типа 23 (рис. 6, 12), ведерок типа 26, секиры типа 29. Есть монеты с отверстием, пробитым, наверное, для их ношения, и их имитации. Имеются фигурные подвески из кости и рога (рис. 6, 9), фаянса (рис. 2, 72–74), из тех же материалов, что и бусы (см. выше). На корпус лучковых фибул нередко надевали металлическое кольцо,

⁹ Облик серьг с небольшими щитками и вставками близок еще более архаичным серьгам, с украшенным спиралью основанием петли замка (как рис. 6, 3; 8, 3).

¹⁰ А.Н. Ворошилов любезно указал аналогии им среди эллинистических серьг, однако ни по обряду, ни по составу весьма богатого инвентаря погребение с ними нельзя выделить из окружающего контекста.



Рис. 7. Стеклянная вставка и слепок с нее (3 – погр. 141); зеркало (2 – погр. 184); флакон (1 – погр. 106); гребень и подвеска с футляром (4, 7 – погр. 6); “бусина” (5 – погр. 41); подвески, разделитель, псалий (6, 8–10 – погр. 319); пиксида (11 – погр. 322).

Fig. 7. A glass insert and an impression from it (3), a mirror (2), a bottle (1), a comb and a pendant with case (4, 7), a “bead” (5), pendants, a divider, a cheek-piece (6, 8–10); a pixis (11).



Рис. 8. Изделия из золота. 1 – погр. 136; 2, 13 – погр. 300; 3 – погр. 10; 4 – погр. 320; 5, 6, 14, 15 – погр. 312; 7, 8 – погр. 313; 9 – погр. 36; 10 – погр. 287; 11 – погр. 234; 12 – погр. 323; 16, 17 – погр. 317; 18 – погр. 205; 19 – погр. 208.

Fig. 8. Golden objects

на застежку из погр. 3 – крупную прямоугольную рамку (аналоги этому случаю нам неизвестны).

В основном в ранней и южной зонах периода 1 немалым числом представлены комплексы с золотыми подвесками, зачастую украшенными сканью, зернью, вставками из камней и стекла. Среди них – 12 лунниц, в том числе с шишечками на концах и у петли (рис. 8, 18), но в основном – широких, богато украшенных (рис. 2, 78; 8, 11). Четыре подвески – цилиндры на петлях; большинство имеет закрытые торцы и украшены еще богаче, чем лунницы (рис. 8, 12). У сравнительно крупного гладкого цилиндра из погр. 301 торцы были открыты, а внутрь помещены две фланги пальца человека. Подвески, окаймляющие вставки, имеют форму перевернутой капли или округлую; есть и комбинированные из таких элементов (рис. 8, 19). На двух подвесках из погр. 287 присутствуют выпуклые изображения женщины с младенцем (рис. 8, 10).

Эти и другие подвески в ряде случаев образуют ожерелья (рис. 8, 19). Золотые пронизи могут быть частью описанных уборов, но известны и в поздней зоне. В погр. 312 убор из упомянутых золотых “львиных” серег и обильного ожерелья дополняли золотые подвески и нашивки на одежду (рис. 8, 5, 6, 14, 15). Последние представлены и в погр. 287; они могут быть гладкими или с бордюром, по форме – треугольные с завитками у одного угла, в виде сегмента сферы, умбоновидные.

Из ранней зоны происходят тонкие гладкие золотые листочки с тремя зубцами (рис. 8, 16), прямоугольные и неясной формы, а фигурка кабана (рис. 8, 17) дополнена деталями. В погр. 313 тонкие “наглазник” и “нагубник” (рис. 8, 7, 8) лежали смятыми на верхней части груди. В погр. 76 (поздняя южная зона периода 1) три миндалевидных лепестка, бывшие, вероятно, нагубником и разорванным на две части наглазником (рис. 8, 9), находились на груди среди бус и др. вещей.

Стеклянная вставка с сюжетным изображением из погр. 141 (рис. 7, 3), несомненно, заслуживающая специального исследования, обнаружена на дне нарушенной в древности могилы 141 среди россыпи мелких бус.

Судя по преемственности в планиграфии, господствующих погребальных обрядах, ряде категорий инвентаря, некрополь Фронтовое 3 принадлежал одному населению,

хоронившему здесь более 300 лет. Очевидны и широкий спектр связей этих людей, открытость влияниям; не исключена и инкорпорация в эту общину носителей других традиций. Особенно сильные перемены приходятся на эпоху Скифских войн середины III в. или связаны с их последствиями.

Итак, могильник Фронтовое 3 полностью раскопан на современном уровне, не затронут современными мародерами, да и в древности могилы были вскрыты в единичных случаях. Все это, как и богатейшая коллекция находок, ставит его в ряд опорных памятников для решения многих вопросов истории Крыма римской эпохи. Значителен потенциал полученных материалов и наблюдений и для изучения древностей других регионов. Ведется подготовка полной публикации могильника и исследования полученных материалов с привлечением широкого круга специалистов.

Авторы приносят благодарность Е.В. Суханову и Л.А. Голофаст за предварительные наблюдения, которые использованы при характеристике керамических и стеклянных сосудов; О.В. Шарову, А.В. Маstryковой, Д.А. Костромичеву, В.Ю. Малашеву, Д.В. Журавлеву за ряд ценных консультаций. Особая признательность – фотографу Т.Ш. Гацаеву.

Исследование выполнено при поддержке фонда РНФ, проект № 20-18-00396 “Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброд А.К. Фибулы Юга Европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука, 1966 (САИ; вып. Д1-30). 112 с.
- Безуглов С.И., Ильяшенко С.М. Богатое погребение гуннской эпохи близ Танаиса // Донская археология. 2000. № 1. С. 91–100.
- Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А. Исследование памятников гуннского времени в Актюбинской области в 2018 г. (предварительное сообщение) // Казакстан археологиясы (Археология Казахстана). 2018. № 1–2. С. 235–244.
- Внуков С.Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36–47.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму: в 2 ч. М.: ГИМ, 2016 (Труды ГИМ; вып. 205). 2 ч. (272 + 320 с.)
- Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н.э. (по материалам

- позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: Деметра, 2010. 320 с.
- Казанский М.М.** О поясах с накладными узкими пластинами из могильника Лучистое // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма / Ред.-сост. Э.А. Хайдединова. Симферополь: Антиква, 2019. С. 60–64.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.** Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в Херсонесе в 1898 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем // Отчет Императорской археологической комиссии за 1898 год. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1901. С. 99–123.
- Кунина Н.З., Сорокина Н.П.** Стеклянные бальзамарии Боспора // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XIII. Л.: Искусство, 1972. С. 146–177.
- Малашев В.Ю.** Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
- Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С.** Страна маскотов в Западном Прикаспии: Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.
- Нессель В.А.** Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // Херсонесский сборник. Вып. XII. Севастополь: Каламо, 2003. С. 107–123.
- Никитина Г.Ф.** Гребни черняховской культуры // СА. 1969. № 1. С. 147–159.
- Свиридов А.Н., Язиков С.В.** Погребальные обряды могильника римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму // КСИА. 2019. Вып. 255. С. 185–201.
- Скрипкин А.С.** Погребальный комплекс с узечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989. № 4. С. 172–181.
- Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И.** Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя Совхоз-10) // Stratum plus. 2005. № 4/2003–2004. С. 27–277.
- Ушаков С.В., Дорошко В.В., Дорошко О.П.** Херсонесская сигиллята: основные типы и хронология (по материалам раскопок городища и могильника Совхоз-10) // История и археология Крыма. 2017. № 6. С. 54–93.
- Хазанов А.М.** Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–72.
- Храпунов И.Н., Стоянова А.А.** Украшения в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки в Крыму // Stratum plus. 2018. № 4. С. 255–262.
- Храпунов Н.И.** О монетах из могильника Озёрное III // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 3 (29). С. 69–79.
- Храпунов Н.И.** Находки монет в могильниках крымских варваров позднеримского времени: некоторые перспективы анализа и исторической интерпретации // XIV Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории / Ред. В.Н. Зинько. Керчь, 2013. С. 484–490.
- Arsen'eva T.M., Domzalski K.** Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. 2002. Bd. 8. P. 415–485.
- Chrzanovski L., Zhuravlev D.** Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum Moscow. Roma: L'Erma di Bretschneider, 1998. 296 p.
- Feugure M.** Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C. Paris: Éd. du Centre National de la Recherche Scientifique, 1985. 504 p.
- Gavritukhin I.** Glass Vessels of the Final of the Chernyakhov Culture // Na hranicích impéria – Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. Narozeninám. Brno: Munipress, 2017. P. 83–109.
- Gavritukhin I.** Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt, 2018 (Archäologie in Eurasien; Bd. 36). P. 49–96, 217–236, 241–244, 246–247, 255, 258, 259, 262, 272, 278, 279, 281–283, 289, 292–294, 297–299, 301, 308, 310–314, 316, 317, 321–324, 334, 340, 357–359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412.
- Isings C.** Roman glass from dated finds. Groningen; Djakarta: J.B. Wolters, 1957. 185 p.
- Madýda-Legutko R.** Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford: BAR, 1986 (BAR Intern. Series; 360). 233 S.+59 Karten. 26 Taf. und Tab.

THE ROMAN PERIOD CEMETERY FRONTOVOYE 3 IN SOUTHWESTERN CRIMEA (preliminary publication)

Igor O. Gavritukhin*, Aleksey N. Sviridov**, Sergey V. Yazikov***

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: gavritukhin@rambler.ru

**E-mail: a_sviridov@mail.ru

***E-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru

The article publishes data on the cemetery near Frontovoye village (Nakhimovsky district of Sevastopol). During in 2018, the expedition of the IA RAS examined 328 graves of the last decades of the 1st—the early 5th century. The site was excavated completely, which makes it a reference one for studying numerous issues of the history of the barbarian population in the region, and its relationship with Chersonesos and other centres of the Roman Empire. The chronological zones of the cemetery (2 periods, in each 2-3 different time sections) were determined, their dating is confirmed by more than 40 coins. Pit graves with a niche (or, less often, two niches) which is blocked with stones dominate. Additionally, 14 burials with cremated remains were recorded in similar structures. In the 2nd period 3 pit graves and 12 vaults with a long entrance pit appear. The paper describes beads; ceramic and glass vessels; weapon including swords and shields; sets of horse-riding gear; a variety of jewelry and small household items. A number of objects are made in polychrome styles. The changes associated with the era of the so-called Scythian wars of the mid-3rd century and their consequences are especially remarkable. However, the continuity in its planigraphy, prevailing funeral rites, and a number of categories of the inventory allow the authors to conclude that the necropolis Frontovoye 3 belonged to single population (community). Obvious are a wide range of connections of these people and their openness to influences; so, incorporation of carriers of other traditions into that community cannot be excluded.

Keywords: Southwestern Crimea, the 1st—5th centuries, cemetery, periodization.

REFERENCES

- Ambroz A.K., 1966. Fibuly Yuga Evropeyskoy chasti SSSR. II v. do n.e. — IV v. n.e. [Brooches of the South of the USSR's European part of the 2nd century BC — 4th century]. Moscow: Nauka. 112 p. (SAI, D1-30).
- Arsen'eva T.M., Domzalski K., 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua*, 8, pp. 415–485.
- Bezuglov S.I., Il'yashenko S.M., 2000. A rich burial of the Hun period near Tanais. *Donskaya arkheologiya [The Don archaeology]*, 1, pp. 91–100. (In Russ.)
- Bisembayev A.A., Khavanskiy A.I., Duysengali M.N., Mamédov A.M., Bairov N.M., Amelin V.A., 2018. Research on the Hun period sites in Aktobe Region in 2018 (preliminary report). *Kazakhstan arkheologiyasy (Arkheologiya Kazakhstana) [Archaeology of Kazakhstan]*, 1–2, pp. 235–244. (In Russ.)
- Chrzanovski L., Zhuravlev D., 1998. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum Moscow. Roma: L'Erma di Bretschneider. 296 p.
- Feugure M., 1985. Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique. 504 p.
- Gavritukhin I., 2017. Glass Vessels of the Final of the Chernyakhov Culture. *Na hranicích impéria — Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. Narozeninám*. Brno: Munipress, pp. 83–109.
- Gavritukhin I., 2018. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links. *Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery*. Bonn: Habelt, pp. 49–96, 217–236, 241–244, 246–247, 255, 258, 259, 262, 272, 278, 279, 281–283, 289, 292–294, 297–299, 301, 308, 310–314, 316, 317, 321–324, 334, 340, 357–359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412. (Archäologie in Eurasien, 36).
- Gushchina I.I., Zhuravlev D.V., 2016. Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu [The Roman period necropolis of Belbek IV in the Southwestern Crimea]. Moscow: GIM. 2 vol. (272 + 320 p.) (Trudy GIM, 205).
- Isings C., 1957. Roman glass from dated finds. Groningen; Djakarta: J.B. Wolters. 185 p.
- Kazanskiy M.M., 2019. About belts with narrow mounts from the Luchistoye cemetery. *Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma [Issues of history and archaeology of the medieval Crimea]*. E.A. Khayredinova,

- ed., comp. Simferopol': Antikva, pp. 60–64. (In Russ.)
- Khazanov A.M.*, 1963. Origins of Sarmatian bronze mirrors. *SA [Soviet archaeology]*, 4, pp. 58–72. (In Russ.)
- Khrapunov I.N.*, *Stoyanova A.A.*, 2018. Adornments in the Late Roman polychrome style from the cemetery of Opushki in the Crimea. *Stratum plus*, 4, pp. 255–262. (In Russ.)
- Khrapunov N.I.*, 2010. On the coins from the Ozyornoye III necropolis. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of historical, philological, and cultural studies]*, 3(29), pp. 69–79. (In Russ.)
- Khrapunov N.I.*, 2013. Coin finds in the cemeteries of Crimean barbarians of the late Roman period: some prospects of analysis and historical interpretation. *XIV Bosporskiye chteniya: Bospor Kimmeriyskiy i varvar-skiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Arkheologicheskiy ob'yekt v kontekste istorii [The XIV Bosphoran readings: The Cimmerian Bosphorus and barbaric world in antiquity and the Middle Ages. Archaeological site in the context of history]*. V.N. Zin'ko, ed. Kerch', pp. 484–490. (In Russ.)
- Kostsyushko-Valyuzhinich K.K.*, 1901. An excerpt from the Report on excavations conducted in Chersonesus in 1898 by K.K. Kostsyushko-Valyuzhinich. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1898 god [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1898]*. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, pp. 99–123. (In Russ.)
- Kunina N.Z.*, *Sorokina N.P.*, 1972. Glass balsamaria of the Bosphorus. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage]*, XIII. Lenigrad: Iskusstvo, pp. 146–177. (In Russ.)
- Madyda-Legutko R.*, 1986. Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford: British Archaeological Reports. 233 p. + 59 maps, 26 tables. (BAR Intern. Series, 360).
- Malashev V.Yu.*, 2000. Periodization of belt sets of The late Sarmatian period. *Sarmaty i ikh sosedni na Donu [Sarmatians and their neighbours on the Don]*. Yu.K. Guguev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232. (In Russ.)
- Malashev V.Yu.*, *Gadzhiyev M.S.*, *Il'yukov L.S.*, 2015. Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii: Kurgannyye mogil'niki Prikaspinskogo Dagestana III–V vv. n.e. [The land of Massageteans in the Western Caspian littoral: mound cemeteries in the Caspian Dagestan of the 3rd–5th centuries AD]. Makhachkala: Mavrayev. 452 p.
- Nessel' V.A.*, 2003. Red slip pottery from the Kilen-Balka cemetery. *Khersonesskiy sbornik [Chersonesos collection]*, XII. Sevastopol': Kalamo, pp. 107–123. (In Russ.)
- Nikitina G.F.*, 1969. Combs of the Cherniakhiv culture. *SA [Soviet archaeology]*, 1, pp. 147–159. (In Russ.)
- Skripkin A.S.*, 1989. A burial complex with a bridle set from Kotluban and some problems of the Sarmatae's ethnic history. *SA [Soviet archaeology]*, 4, pp. 172–181. (In Russ.)
- Strzheletskiy S.F.*, *Vysotskaya T.N.*, *Ryzhova L.A.*, *Zhestkova G.I.*, 2005. The population of the Chersonesos vicinity in the first half of the 1st millennium AD (based on the materials from the Sovkhoz-10 necropolis). *Stratum plus*, 4/2003–2004, pp. 27–277. (In Russ.)
- Sviridov A.N.*, *Yazikov S.V.*, 2019. Burial rites of the Frontovoye-3 necropolis in the Southwestern Crimea. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 255, pp. 185–201. (In Russ.)
- Ushakov S.V.*, *Doroshko V.V.*, *Doroshko O.P.*, 2017. Chersonese sigillata: main types and chronology (based on the materials of excavations of the Sovkhoz-10 settlement and cemetery). *Istoriya i arkeologiya Kryma [History and archaeology of the Crimea]*, 6, pp. 54–93. (In Russ.)
- Vnukov S.Yu.*, 2016. On the typology, evolution and chronology of light-clay (late Heraclean) narrow-necked amphorae. *RA [Russian archaeology]*, 2, pp. 36–47. (In Russ.)
- Zhuravlev D.V.*, 2010. Krasnolakovaya keramika Yu-go-Zapadnogo Kryma pervykh vekov n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropolej Bel'bekskoy doliny) [Red slip pottery of the Southwestern Crimea of the first centuries AD (based on the materials from the Late Scythian necropolises in the Belbek Valley)]. Simferopol': Demetra. 320 p.